

А. С. Пушкин

Собрание сочинений. Том 4
Библиотека великих писателей

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Собрание сочинений. Том 4: Библиотека великих писателей / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 688 с.

ISBN 978-5-458-25446-5

Издание сопровождают отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пущине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь начительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

ISBN 978-5-458-25446-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гуманистовъ шекспировскаго вѣка и самого Шекспира: значеніе человѣческаго слова очень велико, и тотъ, кто обращается съ нимъ къ публикѣ, которую онъ такъ или иначе воспитываетъ своимъ словомъ, обязанъ слѣдить за самимъ собой.

Что же касается самого Пушкина, то самокритика является драгоценнымъ качествомъ его натуры, оградившимъ его отъ слишкомъ длительного вліянія на него людей, не вполнѣ съ нимъ сродныхъ.

Этотъ критицизмъ, между прочимъ, воздержалъ Пушкина отъ рабскаго слѣдованія Карамзину въ «Борисѣ Годуновѣ» и исполненія нѣкоторыхъ его совѣтовъ; такъ, Карамзинъ (Саят., № 204) рекомендовалъ Пушкину (черезъ Вяземскаго) обратить вниманіе на драматическую (лучше сказать, риторическую) противоположность въ характерѣ Бориса, именно на «дикую смѣсь набожности и преступныхъ страстей: онъ безпрестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ». Однако, Пушкинъ лишь на одинъ моментъ (Саят., № 208) заинтересовался этой мыслью, но въ концѣ концовъ ей не послѣдовалъ. Наоборотъ, съ большей пользой для дѣла и въ большемъ согласіи со своей собственной натурой, онъ принялъ совѣтъ Н. Н. Раевского (Саят., № 159) быть терпѣливымъ въ выполненіи своей работы и вмѣсто слѣдованія Карамзину, обращаться къ его источникамъ, подобно Шиллеру, прошедшему цѣлый курсъ астрономіи передъ написаніемъ своего «Валленштейна». Классическое письмо къ Раевскому отъ 30 января 1829 г. (Саят. № 379)—живое доказательство того, какъ самостоятельно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по шекспировски взглянулъ Пушкинъ на исторію смутнаго времени у Карамзина.

Реалистическія тенденціи приводили молодого поэта не только къ необходимости тщательнаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительной жизни, но и къ стремленію найти и выработать истинно-живую, безусловную форму изложенія на основѣ живого разговорнаго и отчасти народнаго языка. Такъ, еще до начала занятія Шекспиромъ (въ ноябрѣ 1823 г., Саят., № 58) у него срывается пожеланіе «оставить русскому языку нѣкоторую библейскую похабность: я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутрен-

няго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе».

Это—въ сущности предвосхищеніе будущей шекспировской теоріи драмы, намѣченной уже около начала августа 1825 г. въ черновомъ письмѣ къ Н. Н. Раевскому (Саят., № 184): Шекспиръ никогда не боится скомпрометировать свой персонажъ, онъ заставляетъ его говорить съ полной непринужденностью жизни, такъ какъ увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ поможетъ персонажу этому найти языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Съ этимъ вполнѣ согласуется рано усвоенная Пушкинымъ привычка искренно выражать въ эпиграмматическомъ родѣ всѣ ощущенія и наблюденія, которая несомнѣнно помогла ему оцѣнить по достоинству искренность и размахъ Шекспира въ изображеніи разнообразнѣйшихъ чувствъ и страданій.

Но и много другихъ чертъ характера Пушкина и особенностей его образованія укрѣпляли его конгеніальность съ Шекспиромъ.

Между прочимъ, Пушкинъ еще съ дѣтства увлекался исторіей театра, а въ лицейскіе годы и позднѣе не покидалъ интереса къ античной литературѣ; равнымъ образомъ, онъ, повидимому, зналъ итальянскій языкъ и хорошо понималъ итальянскую литературу, въ частности литературу эпохи возрожденія, когда Италия давала тонъ всей Европѣ и, между прочимъ, Англии.

Вообще эпоха гуманизма и религіозно-политическихъ войнъ извѣстна Пушкину довольно хорошо.

Напр., его интересъ къ двумъ очень важнымъ для толкованія Шекспира мыслителямъ—Макиавелли и Монтаню,—а также его мѣткія замѣчанія о томъ и о другомъ,—¹⁾ показываютъ, что онъ сумѣлъ схватить ихъ характерныя черты.

¹⁾ «Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похваламъ (говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой) («Мелкія замѣтки»,—см. тамъ же о Посевинѣ и Макиавелли и о правилѣ divide et impera—1829—1831 г.). «Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа—Монтанъ, Монтескье, Вольтеръ доказали это. Монтанъ, путешествовавшій по Италиі, не упоминаетъ ни о Микель-Анжело, ни о Рафаѣлѣ» («Современные французскіе писатели», 1831 г.). О Монтанѣ Пушкинъ вспоминаетъ и позднѣе въ письмѣ къ женѣ отъ 21 сентября 1835 г., гдѣ онъ проситъ прислать ему сочиненія Монтаня въ Михайловское. Ср. еще «Мысли на дорогѣ. О русской литературѣ съ очеркомъ французской» (1834 г.).

Знакомъ былъ Пушкинъ и съ Раблэ (ср. напр. Саят., № 484), гуманистомъ вообще очень яркимъ и, въ частности, хорошо извѣстнымъ Шекспиру и англичанамъ его времени.

Наконецъ, весьма важно то, что Пушкинъ приступилъ къ Шекспиру съ большими познаніями въ области національной и міровой исторіи и съ глубокимъ интересомъ къ политической философіи. Историко-политическія науки еще съ лицейскихъ лѣтъ глубоко занимали Пушкина, и слѣды этихъ занятій разсѣяны во всѣхъ его произведеніяхъ.

Большой глубиной отзываются уже его «Историческія замѣчанія» (1822 г.), въ которыхъ онъ, между прочимъ, приписываетъ Екатеринѣ II извѣстнаго рода макиавеллизмъ: «если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленія потомства» и т. д. Въ знаменитой запискѣ «О народномъ воспитаніи» (1826 г.) Пушкинъ настаиваетъ на политико-философскомъ преподаваніи исторіи въ высшихъ классахъ государственныхъ школъ.

Новѣйшая наука сравнительно мало занимается Шекспиромъ, какъ политическимъ писателемъ, и отношеніемъ его сюжетовъ къ философско-политической литературѣ XVI вѣка. А между тѣмъ онъ былъ несомнѣнно таковымъ, что сразу замѣтили такіе его поклонники, какъ Пушкинъ. Въ концѣ концовъ, какъ дитя великаго философа XVI вѣка, Шекспиръ изучаетъ все разнообразіе душевной жизни какъ отдѣльных личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ и государствъ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Взаимное отношеніе между государствомъ и обществомъ, различныя государственныя формы—все очень и очень глубоко занимаетъ Шекспира, и къ этимъ проблемамъ онъ постоянно возвращался, находя въ нихъ поучительныя индивидуальныя подробности. Напр., въ галереѣ монарховъ, склопныхъ къ абсолютизму, Ричардъ II, Юлій Цезарь и Лиръ объединяются самонадѣлностью, всѣмъ имъ свойственной, но и проявленія самонадѣлности и ея происхожденіе у нихъ различны: Лиръ ослѣпленъ тѣмъ, что всю долгую жизнь онъ ни откуда не встрѣчалъ противоѣдствія и потому не знаетъ людей; не знаетъ ихъ и Ричардъ II, самонадѣлнно вѣрующій въ божественность своего сана, которая уже сама по себѣ

способна защитить его отъ всякихъ людскихъ покушеній; въ общемъ холодный и трезвый Цезарь также склоненъ къ ослѣпленію, но его самонадѣлность имѣетъ своимъ источникомъ постоянное счастье, съ которымъ онъ побѣждалъ опасности; кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, уже привыкшимъ къ цезаризму, и съ аристократіей, успѣвшей измелъчать и, за рѣдкими исключеніями, раболѣпной.

Разнообразны и мудрые просвѣщенные правители—съ одной стороны Гамлетъ-отецъ и Генрихъ V, эти рыцари, глубоко проникнутые девизомъ популярной во время Шекспира стоической философіи, что правитель—прежде всего человекъ; съ другой—благодушный герцогъ въ «Мѣрѣ за мѣру», болѣе гуманный и лучше понимающій жизнь, чѣмъ его намѣстникъ Анджело, умный, но очень односторонній ригористъ, слѣпо увѣренный въ томъ, что можно перевоспитать, или, по крайней мѣрѣ, обуздать общество неуклоннымъ формальнымъ выполненіемъ суровыхъ, устарѣвшихъ законовъ и т. д.

Историко-политическое образованіе позволило Пушкину сразу понять и одѣлнить эту очень важную особенность шекспировскаго творчества. Уже въ «Борисѣ Годуновѣ» его заинтересовала задача дать политическіе типы съ макиавеллистической окраской—царя Бориса и его противника Шуйскаго. Эти персонажи съ одной стороны мѣстами напоминаютъ шекспировскихъ героевъ, а съ другой стороны не являются копіей съ нихъ, но блестяще пополняютъ шекспировскую галерею. Борисъ (въ сценахъ раскаянія и въ прощаніи съ сыномъ) напоминаетъ Генриха IV, въ немъ также есть макиавеллизмъ, основанный на глубокомъ знаніи человѣческой души и на умѣнїи бить противника въ моментъ его замѣшательства,—по все-таки онъ весьма отличается отъ своего англійскаго прототипа: въ немъ меньше своекорыстія, онъ крутъ и хитеръ съ боярами, которые все равно не могутъ съ нимъ примириться, но онъ истинный другъ народа. Гораздо больше макиавеллизма и эгоизма въ Шуйскомъ; онъ не менѣе, чѣмъ Борисъ, знаетъ людей и еще коварнѣе умѣетъ заглянуть своему противнику въ душу и прямо терроризовать ее прикосновеніемъ къ самымъ больнымъ ея мѣстамъ (ср. сцену въ царскихъ палатахъ, гдѣ Шуйскій, точно Яго, прямо потрясаетъ взволнованнаго царя коварными разсужденіями

объ измѣчивости народной массы и реалистическимъ, слѣдовательно, особенно тяжелымъ для Бориса, описаніемъ тѣла убитаго царевича Дмитрія). Это—типъ, отличный отъ типа Бориса и отъ соотвѣствующихъ типовъ Шекспира, при всемъ частичномъ сходствѣ съ ними. Здѣсь Пушкинъ не подражатель, но первоклассный продолжатель Шекспира.

Пушкинъ настаиваетъ на томъ, что драматическому писателю нужны философія, безстрастіе, государственныя мысли и историка, догадливость, живость воображенія, отсутствие предрасудковъ, любимою мысли, свобода.

Съ этой точки зрѣнія неудивительно, что Пушкинъ высоко оцѣнилъ второстепенную драму Шекспира «Мѣра за мѣру» съ ея дѣйствительно высокооригинальнымъ героемъ Анджело и съ ея сложной соціально-политической перспективой.

III.

Но если историко-политическое образованіе помогало Пушкину ориентироваться въ шекспировскихъ драмахъ, то эволюція, происшедшая въ политическихъ взглядахъ и симпатіяхъ нашего поэта къ 1825 году, уже сама по себѣ должна была сблизить его съ Шекспиромъ. Важно, что и въ дошекспировскій періодъ онъ неоднократно приступалъ къ тѣмъ же политическимъ проблемамъ, какъ и Шекспиръ, а къ концу этого періода давалъ имъ рѣшеніе, сходное съ шекспировскимъ.

Что происходило въ Европѣ въ теченіе всей жизни поэта?

«Игралица таинственной игры—
Метались смущенные народы,
И высидѣли и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари» (19 окт.
1836 г.).

Народы и цари, народные вожди и самозванцы, узурпаторы и законные наследники—излюбленные темы Пушкина еще задолго до знакомства съ Шекспиромъ. Узурпаторъ и законный наследникъ—вѣдь это сюжетъ уже лицейской сказки о Бовѣ. Характерно первоначальное заглавіе «Бориса Годунова»: «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Равнымъ образомъ Пушкина уже давно занимаютъ Стевѣнка Разинъ и Пугачевъ.

Въ 1823 г. Пушкинъ счелъ нужнымъ отозваться на смерть вождя испанскихъ инсургентовъ Рiego («Сказали разъ царю»).

Чрезвычайно важны мало оцѣненные «Замѣтки на Анналы Тацита» 1825 г.¹⁾ Пушкинъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на то, что немедленно по вступленіи на престолъ Тиберія былъ умерщвленъ родной внукъ Августа—Агриппа Постумъ. Передъ Пушкинымъ носится мысль, что Агриппа—болѣе законный претендентъ на престолъ, чѣмъ Тиберій, пасынокъ Августа. Мысль эта характерна для поэта, занятаго сюжетомъ о законныхъ и незаконныхъ претендентахъ, но не вполне основательна исторически: хотя Августъ и стремился къ фактическому введенію монархіи, но формально римское государство оставалось республикой, и о какомъ бы то ни было порядкѣ престолонаслѣдія не могло быть и рѣчи.

Далѣе, тацитовская характеристика Агриппы (отличавшагося «необычайной силой, дерзостью и даже простотой ума») подсказала Пушкину (очевидно увлеченному своимъ Лжедмитріемъ) соображеніе, что люди въ родѣ Агриппы всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника.

Тамъ же Пушкинъ отмѣтилъ для себя подавленіе бунта паннонскихъ и германскихъ легіоновъ; при этомъ отъ него, какъ отъ драматурга, не укрылась одна индивидуалистическая черточка въ описаніи бунта: Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться на глазахъ у воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «онъ вострѣе».

Пушкинъ подчеркнул далѣе и то, что Тиберій, прежде всего, лишилъ народъ права выбора магистратовъ и тѣмъ довершилъ уничтоженіе республики. «Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается (тѣмъ правленія перенесена въ сенатъ»).

Тѣмъ не менѣе Пушкинъ не винитъ Тиберія, но, наоборотъ, за многое хвалитъ его, какъ монарха, и защищаетъ отъ нападокъ Тацита.

Въ одномъ случаѣ похвала Тиберію крайне своеобразна. «Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на ка-

¹⁾ Подробнѣе занимаемся мы этими вопросами въ статьѣ, которая скоро появится, подъ заглавіемъ «Пушкинъ и римскіе историки».

комъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человекъ, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способностей къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человеколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности». Но тутъ Пушкинъ не вчитался въ рассказъ Тацита (IV, 30), изъ котораго слѣдуетъ, что Вибій осужденъ былъ неправильно, подъ давленіемъ злопамятства Тиберія, и Тиберій лишь для приличія ходатайствовалъ о смягченіи приговора. По всѣмъ признакамъ, эта курьезная ошибка имѣетъ для Пушкина автобиографическое значеніе. Самый рассказъ этотъ помѣщенъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Дельвигу отъ 23 іюля 1825 г. (Самт., № 178), а около этого времени Пушкинъ изливался въ жалобахъ на жестокость Александра I, отправившаго его въ ссылку, гдѣ нельзя ни работать, ни лѣчиться. (Ср. Самт. № 207, № 208, № 167 и № 170). Сходныя чувства,—правда, въ болѣе мягкой формѣ,—изложены и въ «Воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I» (1825 года).

Какъ бы то ни было, однако въ разсужденіяхъ о римской имперіи замѣтно извѣстнаго рода примиреніе съ монархизмомъ.

Но важна и другая сторона дѣла: мы видимъ здѣсь критика, стремящаяся къ болѣе или менѣе объективному пониманію исторіи и политики: многое въ дѣйствіяхъ Тиберія мудро, но кое-что и дурно.

Какъ могъ прочесть Пушкинъ въ той же первой книгѣ «Анналы» Тацита, римская монархія была не однимъ только актомъ узурпаціи, но и естественнымъ слѣдствіемъ разложенія республики и исторически развившагося политическаго индифферентизма и въ народѣ, и въ сенатѣ.

Но если извѣстная государственная форма представляетъ собою неизбѣжное историческое явленіе, то, независимо отъ собственныхъ политическихъ симпатій объективнаго изслѣдователя, она можетъ подлежать научному анализу постольку, поскольку она приноситъ добро или зло народу. Такова, несомнѣнно, психологія Пушкина въ 1825 г., когда онъ читалъ Тацита и увлеченъ былъ Шекспиромъ.

Пушкинъ готовъ примириться съ монархіей, но не съ деспотической, а съ та-

кой, которая, между прочимъ, была симпатична Шекспиру.

По смерти Александра I, онъ ждетъ много хорошаго отъ Константина I, такъ какъ послѣдній напоминаетъ ему Шекспировскаго любимца Генриха V: «Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти Государя, но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I. Въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V. Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше; словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго» (Самт. № 222).

Это—весьма знаменательное сравненіе: въ самой характеристикѣ Генриха V у Шекспира много такихъ чертъ, которыя всегда были дороги для Пушкина. Въ юности своей Генрихъ былъ гулякой, однако самъ онъ не опустился въ такой мѣрѣ, какъ его компаньоны; онъ въ то же время работалъ надъ своимъ образованіемъ; и, благодаря знакомству съ дѣйствительной жизнью и ея положительными и отрицательными сторонами, его познанія становятся не книжной, теоретической, но практической мудростью, привлекающей къ нему наиболѣе умныхъ государственныхъ людей его страны.

Это очень прямая натура, въ общемъ смѣлая и предприимчивая, но всегда осторожная, когда дѣло идетъ о власти, о законѣ и о народныхъ и государственныхъ интересахъ.

Доблестный воинъ, онъ не затѣваетъ войнъ только для своей собственной славы, хорошо зная, какъ тяжело отзываются войны не только на побѣжденныхъ, но и на побѣдителей и т. д.

Въ 1826 г. Пушкинъ предъявляетъ къ Николаю I такія требованія, какія предъявлялись къ монархіи Шекспиромъ и умѣренно-либеральными политиками XVI в. Въ «Стансахъ» и въ запискѣ «О народномъ воспитаніи» довольно ясно выражена мысль, что если новый монархъ продолжитъ дѣло Петра Великаго и усвоитъ себѣ лучшіе изъ принциповъ его государственной дѣятельности, то съ монархіей можно примириться, какъ съ такимъ режимомъ, который способенъ принести пользу народу.

Политика новой монархіи должна быть правдивой и прямой (въ противоположность привычкѣ предыдущаго императора къ «противочувствіямъ»); царь народа съ

великимъ будущимъ долженъ вѣрить въ его силы (и, слѣдовательно, содѣйствовать ихъ развитію), не презирая его. Одна изъ главныхъ задачъ просвѣщенной монархіи— широкое и смѣлое распространеніе образованія безъ боязни передъ научной истиной и даже передъ радикализмомъ извѣстныхъ научныхъ теорій.

Авторитетная власть не должна бояться оппозиціи, основанной на законѣ: такъ, Петръ умѣлъ отличить Долгорукаго отъ буйскаго стрѣльца; но и къ своимъ прямымъ противникамъ, если это преимущественно доктринеры, сильная власть можетъ относиться великодушно, не отождествляя заблужденія съ преступленіемъ и не унижаясь до мелочной мстительности.

Если мы прибавимъ къ этому, что Пушкинъ всегда презиралъ высшую придворную аристократію за вредъ, приносимый ею государству и народу; далѣе, что онъ желалъ раскрѣпощенія народа и равновѣсія между сословіями, — то въ общемъ мы встрѣчаемся съ социально-политическимъ міровоззрѣніемъ, весьма похожимъ на то, которое въ свое время раздѣлялъ Шекспиръ и многіе изъ гуманистовъ и политиковъ его вѣка.

Итакъ, въ Шекспировскій періодъ своей жизни Пушкинъ мирится съ монархіей не потому, чтобы она была совершенной политической формой (совершенныхъ формъ въ дѣйствительности нѣтъ), но потому, что и она, при извѣстныхъ гарантіяхъ, можетъ содѣйствовать народному благу.

И надо замѣтить, что въ общихъ чертахъ Пушкинъ еще съ юности въ сущности безразлично относился къ формѣ государственнаго устройства и управленія, лишь бы только были обезпечены гражданская и личная свобода, просвѣщеніе и развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа.

Послѣдніе 3—4 года до-шекспировскаго періода Пушкина ознаменованы постепеннымъ упадкомъ вѣры въ возможность прочной демократической республики.

Въ 1820 г. Пушкинъ еще любитъ демагогическіе споры (Саит., № 17), въ 1821 г. онъ съ увлеченіемъ отзывается о возстаніи въ Греціи, Италіи и Испаніи (Саит., № 18—ср. 86).

Но мечтательный, «миролюбивый» другъ свободы быстро разочаровывается въ новыхъ народныхъ движеніяхъ: инстинкты народовъ прекрасны, но завоеваніе свободы сопровождается тѣми же роковыми

ошибками, какъ и у французовъ время великой революціи, именно нарушеніемъ законовъ и насиліемъ. Возникающую свободу подавляютъ, настаетъ мрачная реакція, и въ этомъ, въ глазахъ поэта, виноваты сами народы съ ихъ склонностью быстро обращаться изъ гордыхъ господъ въ жалкихъ послушныхъ рабовъ; но виноваты и народные демагоги-витіи, которымъ также приходится покориться волѣ деспотовъ.

Въ 1821 г. («Наполеонъ») у поэта еще остается смутная надежда, что изъ возрождающихся народовъ, можетъ быть, хоть русскій укрѣпитъ свою свободу; но уже въ слѣдующемъ 1822 г. Пушкинъ устами главы народнаго движенія Вадима высказываетъ очень скептической приговоръ о переменчивой народной массѣ, — приговоръ, весьма напоминающій изображеніе народа у Шекспира: «Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ и вольныя главы подъ иго преклоняли? Изгнанью моему давно-ль рукоплескали? Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь... Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь»...

Въ 1823 г. онъ уже находитъ возможнымъ сближеніе съ извѣстнымъ реакціонеромъ-монархистомъ Стурдзой, и оказывается, что они не только пріятели, но и «кое о чемъ мыслятъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ» (Саит., № 54). Мечты о свободѣ русскаго народа для него уже «послѣдній либеральный бредъ», и, подражая «умѣренному демократу» Инсусу Христу, онъ пишетъ притчу о сѣятелѣ, гдѣ объявляетъ народы стадами, которымъ не нужны дары свободы. Въ стихотвореніи «Недвижный стражъ дремалъ» онъ обрушивается и на демагоговъ, на этихъ мудрецовъ, волнующихъ безумную толпу, которымъ теперь предстоитъ цѣловать жезлъ Россіи и поправшую ихъ желѣзную стопу.

Восхищеніе греческимъ возстаніемъ въ 1821 г. смѣняется въ 1824 г. презрительными отзовами объ одесскихъ грекахъ и ихъ предводителяхъ (Саит., № 77). Вообще демократическое настроеніе у Пушкина все болѣе и болѣе понижается.

Съ этой точки зрѣнія не лишено интереса и примиреніе Пушкина съ Карамзинымъ къ началу шекспировскаго періода. Оно состоялось преимущественно на почвѣ научной; но врядъ ли можно оставлять въ сторонѣ и политическое настроеніе Пушкина, развившюся въ немъ толерантность

къ людямъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Драгоцѣнные остатки автобіографіи (1825—1826 гг.) свидѣтельствуютъ лишній разъ объ искреннемъ желаніи Пушкина съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись какъ къ Карамзину, такъ и къ его литературно-политическимъ противникамъ. «Молодые якобинцы», по мнѣнію Пушкина, слишкомъ преувеличенно негодовали на Карамзина за его размышленія въ пользу самодержавія; но правда и то, что отдѣльныя изъ этихъ размышленій краснорѣчиво опровергнуты вѣрнымъ разсказомъ событій. Съ другой стороны, Карамзинъ—несомнѣнно добросовѣстный историкъ уже потому, что онъ вездѣ ссылается на источники. Очень важно и то, что исторія Карамзина, плодъ двѣнадцатилѣтняго безмолвнаго и неутомимаго труда, проникнута истинною и рѣдкою въ его время любовью къ просвѣщенію.

Въ эти годы эволюція духовной жизни Пушкина идетъ очень быстрымъ, истинно трагическимъ темпомъ. Пушкинъ исполненъ исканія истины и часто запутывается въ противорѣчіяхъ. Напр., онъ стремительно беретъ за Библію (Свѣт., №№ 109 и 113), и ему импонируетъ образъ Христа, какъ умѣреннаго демократа, но въ то же время на него оказываютъ вліяніе бесѣды съ атеистомъ Гунчисономъ.

У Пушкина развивается скептицизмъ, граничащій съ пессимизмомъ; онъ ищетъ выхода въ свойственномъ его правдивой натурѣ объективизмъ и критицизмъ; и любопытно, что его политическому индифферентизму, сильно развившемуся къ началу шекспировскаго періода, вполне соответствуетъ и литературный: «Я въ литературѣ скептикъ,—пишетъ онъ въ 1827 г. (Свѣт., № 312),—чтобы не сказать хуже, и всѣ парнасскія секты для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды».

И вотъ, въ такомъ трагическомъ настроеніи Пушкинъ естественно могъ не только увлечься Шекспиромъ, но даже слиться съ нимъ, найдя въ немъ извѣстное оправданіе и своей личной предыдущей жизни, и литературной дѣятельности, и своимъ общественно-политическимъ взглядамъ. Глубокій конфликтъ между жизнерадостностью и трагическими тревогами за человѣчество, столь явный у Шекспира, конечно, долженъ былъ найти отвѣтъ въ душѣ нашего многострадалнаго поэта, и, въ концѣ концовъ, впечатлѣнія, получен-

ныя Пушкинымъ отъ Шекспира, довольно родственны съ впечатлѣніями Гёте въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ».

«Все то, что когда-либо передумано было мною о человѣчествѣ и его судьбахъ, что было неразлучно со мной и развилось во мнѣ незамѣтно для меня самого, все это я нашелъ въ Шекспирѣ уже вполне развитымъ и какъ бы уже сбывшимся—такъ писалъ Гёте въ 11-й главѣ III книги «Вильгельма Мейстера». Ср. тамъ же: «Пьесы эти кажутся мнѣ произведеніями какого-то небеснаго генія, приблизившагося къ людямъ для того, чтобы какъ можно ближе ознакомить ихъ съ ихъ собственнымъ внутреннимъ міромъ».

Къ этому вполне подходитъ отзывъ Пушкина о Шекспирѣ, сохранившійся въ воспоминаніяхъ Смирновой (стр. 285): «Затѣмъ онъ говорилъ о Шекспирѣ, о его взглядахъ на любовь, о его молодыхъ дѣвушкахъ и любовникахъ, изъ которыхъ ни одинъ не сентименталенъ и не романиченъ, даже среди романическихъ и необычайныхъ приключеній, потому что чувства ихъ такъ естественны; о его замужнихъ женщинахъ, среди которыхъ встрѣчаются только красивые типы; объ его мысляхъ о королевской власти, о славѣ, о войнѣ, о смерти, о совѣсти,—и онъ закончилъ: «Нѣтъ ни одной стороны души, ума, сердца, характера, слабостей, страстей, пороковъ, добродѣтелей, которыхъ бы онъ не наблюдалъ и не описалъ отъ зерна и корня человѣческаго растенія до его послѣдняго листа, цвѣта, плода»...

IV.

На первыхъ порахъ, однако, въ 1824—1826 гг., Пушкинъ, какъ и можно было ожидать по ходу его духовной жизни за это время, интересуется у Шекспира главнымъ образомъ соціально-политическими проблемами, а также общими вопросами о сущности драмы, на которые наводитъ Шекспиръ. Конечно, поэтъ не могъ уйти и отъ чисто-психологическихъ темъ, всегда и особенно въ данное время ему родныхъ, но во всякомъ случаѣ центральное и главное мѣсто въ произведеніяхъ этого времени принадлежитъ соціально-политической трагедіи «Борисъ Годуновъ».

Довольно характерно, что пѣвецъ любви готовъ былъ написать трагедію безъ любовнаго романа и ввелъ въ нее романъ между Димитріемъ и Маринной главнымъ

образомъ въ интересахъ столько же драматическихъ, сколько политическихъ: романъ этотъ ясно опредѣляетъ страстный, романическій характеръ главнаго героя—Дмитрія и, съ другой стороны, даетъ лишній интересный персонажъ политической авантюристки Марины (Сайт., № 379).

Въ характеристикѣ Бориса, какъ и самъ онъ признается, политическая сторона дѣла интересовала его едва ли не болѣе, чѣмъ драматическая (Сайт., № 208).

Но это лишь детали. Всего болѣе характеренъ выборъ самой темы. Пушкинъ взялъ эпоху перелома (кстати сказать, современную Шекспиру), которая сдвинула съ мѣста и органы правительства, и всѣ слои населенія.

Такимъ образомъ, хроника Пушкина непосредственно примыкаетъ къ хроникамъ и къ такимъ драмамъ Шекспира, какъ «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра» и т. д.

Къ разработкѣ такой сложной темы применены и сложные методы, въ которыхъ, наряду съ доминирующимъ влияніемъ Шекспира, не трудно обнаружить помимо этого синтезъ предыдущей дѣятельности самого поэта, а также его настроенія во время писанія драмы. Поэтъ очень старательно изучаетъ историческіе источники и всѣчески заботится о томъ, чтобы объективно опредѣлить для себя историческую истину; но онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, знаетъ, что задачи драмы и исторіи не совпадаютъ вполне, и что историческія фигуры въ драмѣ могутъ быть лишь типами, только въ общихъ чертахъ соответствующими и человѣческой природѣ, и исторической дѣйствительности. Такъ создана фигура Пимена. «Въ немъ собралъ я черты, плѣвившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ» (Сайт., № 312).

Тотъ-же собирательный методъ проведенъ и въ характеристикахъ Бориса, Самозванца, народа.

Давно замѣчено, что Пименъ идеализованъ; это объясняется искуснымъ, непосредственно незамѣтнымъ внесеніемъ личнаго начала въ изображеніе типа: при изученіи матеріаловъ для выработки типа поэтъ наткнулся на такія подробности, которыя какъ нельзя болѣе соответствовали его собственному настроенію, а потому обрисовка типа проникнута своеобразной теплотой, за которой скрывается личная симпатія автора.

Пушкинъ несомнѣнно идеализировалъ въ

данномъ случаѣ пользу уединенія для человѣка, утомленнаго бурями жизни, развитіе въ такомъ человѣкѣ широкой гуманности и безпристрастной терпимости. Это одна изъ любимыхъ его темъ въ разные періоды его дѣятельности; но никогда его душевный разладъ не былъ столь силенъ, никогда не было столь настойчивой потребности въ успокоеніи и ясности души, какъ послѣ бурной жизни на югѣ. Успокоителями поэта явились природа, занятое дѣломъ уединеніе, великій учитель безпристрастія Шекспиръ, а вслѣдъ за нимъ—исторія преимущественно въ лицѣ Карамзина и древнихъ лѣтописцевъ. Въ произведеніяхъ этого періода Пушкинъ неоднократно сравниваетъ себя съ анахоретомъ, свою рабочую комнату съ пустынной кельей; онъ доволенъ своимъ «мирнымъ изгнаніемъ», въ которомъ онъ «сельской музѣ въ тишинѣ души безпечной предавался»; его Онѣгинъ и Лепскій—«пустынники», причемъ Онѣгинъ ушелъ отъ «мятежной власти страстей»...

Такое своеобразное и цѣльное сліяніе объективнаго съ субъективнымъ очень характерно и для Шекспира; такъ, напр., своему любимцу Генриху V онъ влагаетъ въ уста много своихъ задушевныхъ мыслей, но все-таки Генрихъ V—не Шекспиръ; не Шекспиръ и Гамлетъ, хотя несомнѣнно, что Шекспиръ могъ и самъ переживать гамлетовское настроеніе и наблюдать его у многихъ своихъ современниковъ, жившихъ въ бурный, трагическій вѣкъ.

Но для Пушкина было тѣмъ болѣе легко окончательно усвоить и усовершенствовать подобную манеру писать, что онъ и самъ ея держался еще задолго до знакомства съ Шекспиромъ: такъ, личное и общее очень цѣльно переплетены между собою уже въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»¹⁾.

Въ этомъ заключается лишнее доказательство того, что сліяніе Пушкина съ Шекспиромъ происходило на почвѣ ихъ многообразной конгеніальности.

Собирательный элементъ, столь сильный въ фигурѣ Пимена и отчасти патріарха Іова, еще болѣе ярко замѣтенъ въ

¹⁾ Еще пзъ Кишинева (Сайт., № 27) онъ писалъ Горчакову: «характеръ Плѣнника неудаченъ: это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка».

обрисовкѣ главныхъ героевъ драмы самозванца и Бориса, а также общественныхъ группъ. Сліяніе объективнаго съ субъективнымъ, о чемъ была рѣчь выше, достигаетъ здѣсь особой виртуозности.

Мы уже говорили, что ко времени созданія типа самозванца Пушкинъ много занимался исторіей народныхъ вождей, узурпаторовъ и авантюристовъ разнаго рода, такъ что въ его головѣ долженъ былъ создаться типъ популярнаго демагога-узурпатора съ чертами, какъ общими для разныхъ странъ и эпохъ, такъ и специальными для той или другой страны, для той или другой эпохи. Весьма важно, напр., что Пушкинъ самъ подчеркнул извѣстное родство своего Лжедмитрія съ Генрихомъ IV. Есть, несомнѣнно, въ характерѣ самозванца такія черточки, какія были у самого Пушкина или, по крайней мѣрѣ, были ему симпатичны,—мы разумѣемъ большую смѣлость, своего рода гениальную безпечность, проявляемую даже послѣ крупныхъ неудачъ и привлекающую къ себѣ окружающихъ.

Весьма знаменательно то, что самозванецъ изображенъ, какъ человекъ, довольно образованный для своего времени и изъ чтенія лѣтописей способный опредѣлить современное политическое положеніе Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не чуждъ и поэзіи: въ монастырѣ самъ сочинялъ каноны, въ Краковѣ онъ благосклонно относится къ придворному поэту.

Не менѣе сложна исторія возникновенія типа Бориса.

Поэтъ естественно находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ размышленій о царствованіи Александра I; но царствованіе это онъ оцѣнивалъ въ общей связи съ исторіей династіи Романовыхъ.

Около времени созданія «Бориса Годунова» для него уже опредѣляется въ извѣстной формѣ типъ русскаго самодержца, начиная съ Ивана III, съ различными разновидностями этого типа. По крайней мѣрѣ, въ «Борисѣ Годуновѣ» не просто упомянуты, но довольно ярко очерчены Иванъ Грозный, Феодоръ и Иванъ III—«смиритель бурь, разумный самодержецъ». Мы знаемъ, затѣмъ, какое впечатлѣніе производило на Пушкина съ юныхъ лѣтъ самодержавіе Наполеона.

Въ эту критическую эпоху Пушкинъ снова интересуется Наполеономъ, какъ политикомъ, по его запискамъ и по мемуарамъ его министра полиціи Фуше (Сант,

№ 128 и др.). Сверхъ того, Пушкинъ около этого времени занять мыслью о самодержавіи в о о б щ е: между прочимъ, его интересуетъ первый явный (въ его глазахъ) римскій самодержецъ Цезарь Тиберій.

Наконецъ, передъ Пушкинымъ прошла цѣлая серія монарховъ Шекспира.

И вотъ это соединеніе общаго съ личнымъ въ высшей степени любопытно отразилось на фигурѣ Бориса; и опять въ своеобразныхъ формахъ происходило сліяніе Пушкина съ Шекспиромъ.

Честолюбіе и властолюбіе не могутъ дать удовлетворенія душѣ,—говоритъ Борисъ,—какъ и весьма многіе персонажи шекспировскихъ политическихъ драмъ и хроникъ. Самъ поэтъ, искавшій въ эту эпоху въ уединеніи покоя своей мятежной душѣ, тоже не дорожитъ славой («Желаніе славы», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»).

«Безумны мы, когда народный плескъ,

Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!»

Такъ восклицаетъ Борисъ на подобіе весьма многихъ государей Шекспира, и въ хроникѣ церемѣнчивость народной массы характеризуется на разные лады. Но кромѣ демократической черни Борисъ извѣрился и въ аристократическую чернь: «пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни»—говоритъ онъ Басманову.—И представители знатной черни—на-лицо въ хроникѣ: таковы, напр., бояре, не понимающіе политическаго смысла тяжелой сцены въ царской думѣ, разыгравшейся между царемъ, патриархомъ и Шуйскимъ.

Подобная постановка дѣла характерна и для Шекспира: на ряду съ демократической чернью, онъ любитъ выводить и чернь аристократическую, и какъ саркастиченъ, напр., отзывъ Гамлета о послѣдней въ сценѣ съ могильщиками!

Въ свою очередь, Пушкинъ, какъ писатель, чувствуетъ въ данную эпоху рѣшительное отчужденіе и отъ толпы, и отъ малообразованныхъ представителей литературы и критики, отъ этого журнальнаго «роя слѣпней и комаровъ» («Совѣтъ»).

Очень интересно наставленіе умирающаго Бориса сыну Феодору. Оно напоминаетъ собою прощаніе умирающаго Генриха IV съ сыномъ, будущимъ Генрихомъ V, хотя не заключаетъ въ себѣ макиавеллистическаго совѣта Генриха IV занять умы войной для искорененія крамолы.

Наоборотъ, Борисъ совѣтуетъ Феодору от-

мѣнить опалы и казни и на первое время ослабить власть, не выпуская ея, однако, изъ рукъ. Вскорѣ послѣ написанія драмы почти такъ же звучитъ обращеніе Пушкина къ Николаю I съ просьбой быть милостивымъ къ декабристамъ.

И другіе совѣты Бориса совпадаютъ съ задушевными мечтами самого Пушкина: «будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ, довѣрчиво ихъ въ службу принимай»,—говоритъ Борисъ; а параллельно съ этимъ Пушкинъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи отстаиваетъ передъ Николаемъ I пользу западно-европейскаго просвѣщенія для русскаго общества, и общая мысль этой записки въ сущности отлично выражена въ разговорѣ между Борисомъ и Теодоромъ о пользѣ науки и для частной жизни, и для государства.

И еще одна руководящая мысль записки о народномъ воспитаніи сквозитъ въ наставленіи Бориса Теодору: «Не измѣняй теченія дѣлъ, привычка—душа державъ»,—поучаетъ Борисъ. Въ свою очередь, Пушкинъ мечтаетъ о союзѣ служащихъ государству дворянъ съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія (но не радикальнаго измѣненія!) государственныхъ установленій. Какъ ни сочувствуетъ онъ уничтоженію чиновъ, но спѣшитъ оговориться, что «сія мѣра влечетъ за собою безпорядки безчисленные, какъ въ обще всякое измѣненіе установленій, освященныхъ временемъ и привычкой».

Наконецъ, особенно любопытенъ слѣдующій совѣтъ Бориса:

«Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
На воздухъ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ».

Это отчасти похоже на совѣтъ Генриха IV сыну появляться передъ толпой лишь изрѣдка, въ полномъ блескѣ и величіи, какъ звѣзда («Генрихъ IV», ч. I, д. III, явл. 2). А съ другой стороны, здѣсь выражено традиціонное отношеніе обывателей и старой и новой Россіи къ самодержавной власти. Такъ смотрѣлъ на нее и самъ Пушкинъ. По крайней мѣрѣ, впоследствии онъ былъ изумленъ тѣмъ, что Николай I отправился лично усмирять бунтъ военно-поселенцевъ въ Новгородской губерніи («Изъ записной книжки», 26 іюня 1831 г.): «Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному

явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сблизаться лично съ народомъ. Чернь перестаетъ скоро болтаться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда».

Такимъ образомъ, царь Борисъ—тоже собирательный типъ, какъ самозванецъ, патриархъ, Пимень.

Собирательнымъ типомъ является у Пушкина и народная масса; она пѣветъ, правда, національныя черты, но вмѣстѣ съ тѣмъ она очень похожа на шекспировскій непостоянный народъ—игрушку въ рукахъ демагоговъ. Очень важно то, что Пушкинъ, какъ мы видѣли, еще въ до-шекспировскій періодъ создалъ себѣ именно такой взглядъ на народъ, и, напр., «отрывокъ изъ Вадима», можно сказать, самъ просится въ шекспировскую драму; мы видѣли также, что ко времени изученія Шекспира у Пушкина сложилось такое же мнѣніе о народѣ въ качествѣ литературной публики. Сверхъ этого, Пушкинъ могъ быть подъ вліяніемъ изученія народныхъ волненій въ разныхъ мѣстахъ и въ разные эпохи.

Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ Пушкинъ нашелъ у Шекспира сильнѣйшее для себя подкрѣпленіе.

Достаточно извѣстно, какъ измѣнивъ народъ въ «Юліи Цезарѣ» и въ другихъ политическихъ драмахъ и хроникахъ Шекспира.

Но, отрицая умъ въ толпѣ, Шекспиръ не отрицаетъ его у отдѣльныхъ представителей народа: такъ, напр., могильщики кажутся Гамлету гораздо умнѣе придворныхъ; старый садовникъ въ «Ричардѣ II» интересенъ глубокимъ и трезвымъ пониманіемъ причинъ политической катастрофы, совершившейся въ Англіи. Неорганизованная толпа неоднородна, и Шекспиръ любитъ выдѣлять изъ нея отдѣльные персонажи и индивидуализировать ихъ; а въ картинахъ напряженія страстей у народной массы подобный отдѣльный персонажъ изъ нея на нашихъ глазахъ живетъ, и его настроеніе мѣняется. Такъ, въ 1-й сценѣ 1-го дѣйствія «Юлія Цезаря» сильно выдвинута юмористическая фигура сапожника. Особенно живописна 2-я сцена 3-го акта передъ похоронами Цезаря. 1-й граж-

данинъ — безусловный поклонникъ Брута, 2-й не желаетъ поддаваться пристрастію и предпочитаетъ выслушать и Брута, и Кассія, чтобы составить себѣ самостоятельное сужденіе о дѣлѣ. Послѣ рѣчи Брута оба въ восторгѣ. Начинается рѣчь Антонія, и второй гражданинъ въ первый моментъ пытается, какъ и передъ рѣчью Брута, сохранить самообладаніе и способность къ критикѣ, а первый съ свойственной ему экспансивностью скоро вѣрнѣе тому, что Цезарь не былъ тираномъ; къ концу рѣчи всѣ граждане въ возбужденіе, но у первого гражданина оно усиливается при видѣ труппа, на который онъ сначала бонсеа взглянуть.

Такого же приѣма держится Шекспиръ всюду, гдѣ ему приходится изображать группы людей того или другого сословія.

Подобные уроки не могли пройти безслѣдно для художника, который, помимо всего прочаго, самъ былъ всегда индивидуалистомъ. И вотъ любопытно, что уже начальныя сцены «Бориса Годунова», именно избраніе на царство, напоминаютъ восшествіе на престолъ Ричарда III, который съ такимъ успѣхомъ продѣлывалъ комедію притворнаго отказа отъ короны.

Народная масса въ хроникѣ Пушкина, какъ и во многихъ драмахъ Шекспира, въ общемъ довольно пассивна и собственной инициативы не проявляетъ, но ея настроенія, какъ и Шекспира, неоднородны, и между отдѣльными ея представителями замѣтна разниаа.

Такъ, уже три персонажа, открывающіе своими замѣчаніями первую народную сцену («Красная площадь»), отлчаются другъ отъ друга и не говорятъ одно и то же.

Во второй, довольно юмористической, народной сценѣ (на Дѣвичьемъ Полѣ) выведено для полноты картины нѣсколько звѣакъ и затесавшаяся въ толпу баба съ груднымъ ребенкомъ.

Очень живыя сами по себѣ, эти жанровыя картинки вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связаны съ основной концепціей Пушкина: на пассивную, но измѣчивую народную массу разсчитывать нельзя.

Въ общемъ, Пушкину удалось въ ходѣ хроники очень искусно изобразить эту измѣчивость народа. Какъ быстро самозванецъ приобретаетъ популярность на счетъ Годуновыхъ!

Стоило только раздаться одному голосу съ призывомъ къ жестокости противъ семьи Годунова, и народъ яростно несется къ

его дворцу. Но здѣсь онъ нѣсколько отрезвляется, и это отрезвленіе изображено съ большой силой и живостью. Въ окнѣ дворца народъ видитъ — въ глубокой скорби — симпатичныхъ дѣтей Бориса — Теодора и Ксенію, и у него начинается пробуждаться жалость къ нимъ. Въ это время проходятъ во дворецъ бояре, и народъ почтительно передъ ними разступается, пока еще не зная, что они идутъ съ дѣвлюю немедленно убить царевича и его мать. Изъ дворца доносится шумъ борьбы и женскій визгъ.

Наконецъ, отворяются двери, и на крыльцѣ появляется Мосальскій, обращаясь къ народу съ краткой, холодной и цинической рѣчью: «Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Теодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что же вы молчите? Кричите: «да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!»

По редакціи 1831 г. въ отвѣтъ на это «народъ безмолвствуетъ».

Но первоначальная редакція, относящаяся къ 1825 г., заканчивается, совершенно въ духѣ Шекспира, тѣмъ, что и народъ кричитъ въ отвѣтъ «Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ».

Выдѣляя нѣкоторыя фигуры изъ общей народной массы и индивидуализируя ихъ въ шекспировскомъ духѣ, Пушкинъ одну изъ этихъ фигуръ особенно старательно обработалъ послѣ долгихъ поисковъ историческихъ матеріаловъ для ея созданія. Это — картинная фигура юродиваго, характерная для старой богомольной и суевѣрной Россіи, какъ своего рода выраженіе народной совѣсти. И въ хроникѣ Пушкина фигура юродиваго не только дополняетъ широкую картину русскаго общества временъ смуты, но и важна въ драматическомъ отношеніи: публичное обличеніе Бориса юродивымъ обезсплиываетъ царя и нравственно, и политически, окончательно подрывая его престижъ въ народѣ 1).

1) Намъ сдается, что и здѣсь Пушкинъ могъ находиться подъ нѣкоторымъ косвеннымъ влияніемъ Шекспира, особенно его хроники «Король Джонъ». Въ хроникѣ этой прямо выведенъ пророкъ, пастраивавшій толпу противъ короля и предсказывавшій ему лишеніе короны. Пророкъ появляется на сценѣ лишь на нѣсколько словъ, но его роль въ охлажденіи народа къ королю очень велика, и это охлажденіе, желаніе переменъ, готовность идти за любымъ писургентомъ — представлено у Шекспира съ меньшей яркостью, чѣмъ въ «Борисѣ Годуновѣ» или въ «Полтавѣ». Но помимо отдѣльныхъ ситуаціи и